

экономистом, химиком или там пиротехником, скульптором и так далее (...) Я не скрою от вас — я не занимал разные интеллигентские посты, не смотрел в подзорные трубы, чтобы видеть разные небесные явления, планеты и кометы, не шлялся по шоссе с такой, знаете, маленькой трубочкой на треножнике для измерения высоты поверхности”.

Тут, к слову сказать, указана первая должность Сталина — вычислитель-наблюдатель в Тифлисской физической обсерватории. С другой стороны, большинство специальностей, действительно выпавших на долю героя, совпадают с “постами” самого Зощенко, которые он занимал после революции, отменившей или разрушившей все привычные критерии профессиональной пригодности. Косвенное указание на маскарадно-театральный колорит, присущий этой всеобщей смене социальных ролей, содержится уже в одной из вводных реплик рассказчика, где тот задним числом, как часто бывает у Зощенко, демонстрирует свою политическую грамотность: “Керенский, этот артист на троне, завертел волынку до победного конца”.

Смысл соответствующего эпизода, открывающего движение сюжета, в том, что герой, будучи тогда “рядовым ефрейтором”, вовлекается в ту же карнавальную стихию самозванчества и тотальной некомпетентности. Сослуживцы избирают его полковым врачом (эпизод, заимствованный из биографии Зощенко), на что он охотно соглашается: “Конечно, выбирайте. Я, говорю, человек, понимающий явления природы”.

Но центральное место в перечне профессий, “испытанных” странствующим героем, посвящено его трудоустройству — еще до революции — в качестве самозванного “пробольщика” молочных продуктов в каком-то крымском имении. Его непосредственными учителями, как это было у Сталина (“Моиими первыми учителями были тифлиссские рабочие”), становятся местные пролетарии: “Все рабочие смеются надо мной, умирают со смеху, тем не менее рассказывают, что надо делать, и главное, чего говорить”.

Вскоре в сюжетное действие вводится другой проходимец, подвизающийся в роли дегустатора вин, — соплеменник Сталина, наделенный в придачу “теткой из Тифлиса”: “А был там у меня в этих краях один приятель. Один прекрасный грузин. Некто Миша. Очень чудный человек и душевный товарищ”.

Впечатляет откровенность, с которой Зощенко тут пародирует знаменитое, постоянно тогда цитировавшееся первое ленинское упоминание о Сталине: “У нас один чудесный грузин засел и пишет”.

Дальнейшая сюжетная коллизия отзывается сказкой о журавле и лисице: герою, объедающе-

муся сырами и маслом, строго запрещено употребление алкоголя, а его грузинскому другу возбраняется принимать пищу до самого вечера: “Вот в другой раз встретимся мы с ним вечером — я сытый, он пьяный, и видим — наша дружба ни к чему”. Надо учесть, что в контексте страшного “голодомора” 1933 г., когда был опубликован рассказ, страдания дореволюционного объедалы и опивалы могли вызвать разве антисоветскую ностальгию по старому режиму. (Ср.: “Они, черти, не дают отпуска, а заставляют без отдыха жрать и пить”).

Персонажи, разведенные по принципу дополнительности, решают временно поменяться местами, но их сразу же разоблачают работодатели. Друзья надолго расстаются. Однако после революции карьера “прекрасного грузина” складывается наилучшим образом — почти столь же удачно, как у его земляка в Кремле. Рассказ завершается так:

«А вскоре разразилась война. Потом революция. И я потерял своего друга из виду.

И недавно узнаю, что он проживает на Кавказе и имеет хорошую, чудную командную должность.

И я мечтаю к нему поехать. Мечтаю встретить его, поговорить и сказать ему: “Молодец!”

Ох, он, наверное, обрадуется, когда увидит меня! Тоже, может быть, скажет мне: “Молодец!” И велит подать лучший шашлык.

Тут мы с ним будем кушать и вспоминать, кем мы были и кем стали».

Эта предвкушаемая идиллия, в последнем слове которой — в последнем слове всего рассказа — кодируется имя Сталин (“стали”), представляет собой, как мне думается, язвительный отклик на пышную встречу Сталина со старыми тифлискими товарищами, подытоженную самодовольной репликой вождя, венчающей, в виде рефрена, его выступление: “Такова, товарищи, подлинная картина того, чем я был и чем я стал, если говорить без преувеличения, по совести” (Аплодисменты, переходящие в бурную овацию).

Утопическим шашлыком, кавказским застольем обеспечивается воссоединение расторгнутой ранее связи между едой и вином. А в целом финальный триумф зощенковских шарлатанов есть как бы иносказательный комментарий — “без преувеличения, по совести” — к феерическому взлету Сталина. Предыдущая карьера грузинского лжедегустатора дает адекватное представление о его моральном уровне и о степени профессиональной компетенции на новом посту. Балаганная биография завершилась становлением нового “артиста на троне”.

Тот факт, что “прекрасного грузина” автор сделал собственным тезкой, обусловлен, вероят-